

И.Ю. Просеков

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНТРАКТА

В институциональной экономической теории большое внимание уделяется историческим аспектам хозяйственных отношений, в том числе, действиям коллективов. Взаимодействие коллективов трактуется как система контрактов¹. До сих пор институциональная методология не применялась в анализе взаимоотношений государства и органов крестьянского самоуправления. Предлагаем рассмотреть структуру и содержание этих отношений в контексте социальной и экономической истории Сибири XVII в.

Важнейшей силой хозяйственного освоения Сибири, начиная с XVII в., были русские крестьяне. В процессе колонизации у крестьян, переселявшихся в Сибирь, складывалась своя форма общественного и хозяйственного самоуправления — сельская община². Между двумя агентами — государством и крестьянской общиной — складывались отношения социально-экономического контракта, который по своему характеру является имплицитным. Такой тип неявного контракта основывается на традиционном праве, предполагавшем неписаное соглашение об обмене правами и обязательствами. Если государство выполняло функции материального обеспечения переселенцев, защиты их жизни и имущества от посягательств со стороны местного населения и представителей других сословий, то крестьянские общины принимали на себя обязательства по выполнению определенного круга денежных и натуральных повинностей. Возникает проблема определения и разграничения правомочий. В соответствии с иерархической системой, предложенной Э. Остромом³, общине принадлежат права коллективного действия, а также операциональные права доступа к ресурсам, извлечения выгоды и отчуждения. Право общины на отчуждение или исключение давало возможность определять круг лиц, получав-

ших право доступа к земле, обуславливая тем самым направление использования ресурса.

В рамках складывавшегося социально-экономического контракта государство и община вступали в перекрестные правовые отношения, что является необходимым условием добровольного обмена. В качестве экономических агентов государство и община обладали определенным кругом взаимных прав и обязательств, что позволяет говорить о формально равноправном и симметричном обмене, а также торговой трансакции.

Говоря о трансакции как таковой, необходимо учитывать три вида социальных отношений, через которые она проявляется. Согласно Дж. Коммонсу, это — конфликт, зависимость и порядок⁴. В первом случае у государства и общины всегда существовала возможность взаимного исключения по поводу использования ограниченного ресурса: с одной стороны, это — земля, формально принадлежавшая государству, а также тягловый скот, хозяйственный инвентарь и деньги, выдаваемые новым поселенцам, с другой стороны, — часть урожая, произведенного общиной. В случае зависимости определяющим фактором становится обоюдное понимание сторонами возможное понимание возможностей для повышения благосостояния посредством взаимодействия. Необходимым элементом, определявшим устойчивость контракта, был порядок — система отношений сторон, посредством которой определялись не только итоговые выгоды, но и распределение результатов выполнения контракта между заинтересованными сторонами.

В силу того, что государство и община на основе добровольного соглашения производили симметричный обмен правами собственности, можно говорить именно о торговой трансакции. Для фактического отчуждения и присвоения прав собственности было необходимо обоюдное согласие сторон, основанное как на экономическом интересе, так и на нормах традиционного права.

Интересно, что внутри общины в экономических отношениях между выборной администрацией и рядовыми крестьянами присутствует трансакция рационирования. В этом случае возникает асимметричность правового положения сторон, определенная как традиционным, так и писаным правом, при которой

функция спецификации прав собственности по обоюдному согласию принадлежит коллективному органу, то есть выборной крестьянской администрации.

Механизм выполнения контракта в жестких условиях колонизации определялся несопоставимой разницей между возможными выгодами и издержками в результате нарушения одной из сторон условий контракта. Таким образом, для обеспечения контракта государству и общине не требовалась специализированная третья сторона. Контракт становится самовыполняемым. Функционирование такого контракта основывалось на информированности агентов об условиях обмена, использовании ресурсов общего назначения, повторяющейся трансакции, представлении о положительной ценности существующих отношений, а также повышении в рамках обмена обязательствами роли корпоративных действий сторон. Так, община всегда старалась равномерно распределить ответственность на всех своих членов в зависимости от материального и социального положения внутри коллектива. Корпоративная ответственность предупреждала оппортунистическое поведение каждой из сторон. Кроме того, такой персонализированный обмен способствовал формированию устойчивых ожиданий. Обладая определенной степенью взаимопонимания относительно правил, по которым совершается сделка, стороны оценивали будущие выгоды от продолжения контракта. В результате, сделка, заключенная между государством и общиной, регулярно возобновлялась.

Рассматриваемый контракт становился основой взаимоотношений крестьянских общин и государства. С одной стороны, — он гарантировал государству регулярные поступления феодальной ренты, с другой стороны, — обеспечивал сибирскому крестьянину оптимальные условия существования и хозяйствования. На примере крестьянских челобитных можно утверждать, что выполнение крестьянами условий контракта (отгрузка и доставка в сибирские остроги заранее оговоренной части собранного урожая, а также исполнение различных натуральных повинностей) зачастую становилось веским аргументом в пользу крестьян при решении вопросов выделения материальной помощи общинам, а также при разрешении возникавших между участниками контракта споров. Большинство конфликтных си-

туаций определялось неоднозначным пониманием крестьянами и государством различных форм феодальной ренты, ее законности, размера и, кроме того, злоупотреблениями представителей местной администрации. Причиной множества конфликтов стали проблемы государственной политики по изменению разных частей ренты, ее упорядочения.

В литературе уже приводились многочисленные общинные жалобы крестьян, вызванные к жизни реформой Ю.Я. Сулешева (1623–1625 гг.), целью которой было приведение в соответствие со значительно возросшими крестьянскими наделами устаревших десятинных окладов⁵. Нам известно 9 крестьянских челобитных, поданных в период с 1632 по 1644 г., в которых крестьяне Туринского, Верхотурского, Тагильского, Енисейского и Тюменского уездов протестовали не только против новоокладных пашен, но и против десятин, прибавленных за умерших, переведенных на новые земли и беглых крестьян⁶. Показательно, что все свои протесты крестьяне традиционно обосновывали ссылками на «старину»⁷. В результате, встретив со стороны крестьянских общин активное сопротивление реформе, государство в лице Сибирского приказа пошло на определенные компромиссы⁸. Для нас интересно то, что по сути это был спор об условиях контракта.

Другим важным моментом в отношениях между общинами и государством были различные натуральные повинности: ремонт крепостей, постройка и поддержание в рабочем состоянии государственных бань, винокурен и мельниц, сбор таможенных пошлин на местном торгу, гоньба, постройка судов и перевозка по сибирским рекам хлебного оброка. Крестьяне последовательно выступали против этих повинностей, если считали их незаконными. А таковыми, в представлении крестьян, повинности становились тогда, когда выполнять их, по мнению крестьянского мира, должны были представители других сословий. Протесты обычно вызывали и вновь вводимые повинности.

Взаимоотношения крестьянских общин и воеводской администрации отнюдь не сводились к столкновениям. Сфера взаимодействия всегда была достаточно обширна и включала вопросы окультуривания новых земель⁹, создания на этих территориях новых общин¹⁰, межевания земельных границ¹¹, а также суда¹², распределения земельных угодий¹³.

Известно, что набор прав, которым обладает экономический агент, во многом обусловлен его решениями. Важнейшим фактором, определявшим спецификацию прав собственности на землю в Сибири, была традиционная для русских крестьянских общин система захватного землепользования¹⁴. Община в процессе колонизации фактически приобретала права на использование принадлежавшего государству ресурса — земли. В условиях, когда издержки обеспечения государственной собственности были высоки относительно размера извлекаемой выгоды, земля на начальных этапах колонизации находилась в режиме свободного доступа. При этом формально у государства оставалось правомочие отчуждения. Здесь мы сталкиваемся с характерной для любой эпохи колонизации ситуацией, когда права собственности в силу того, что они не были в полном объеме специфицированы государством, являлись правами как де-юре, так и де-факто. Постепенно, в ходе хозяйственного освоения новых территорий, возрастает и текущая ценность используемого ресурса, что становится основой для обмена правомочиями между фактическим пользователем земли — общиной и государством. Обмен этот, как было отмечено, происходил в рамках самовыполняющегося контракта.

Позиционируя крестьянскую общину в системе коммунальной собственности, остановимся на проблеме использования ресурсов. В соответствии с традицией захватного земледелия в Сибири действовала система свободного доступа к земле. Каждый новый поселенец мог воспользоваться свободным участком земли без предварительной договоренности с другими членами общины и с формальным собственником земли — государством. Вместе с тем, отдельные землепользователи обладали исключительными правами собственности только внутри общины, а также по отношению к участникам других общинных организаций. С ростом численности общинников, обладавших правами собственности, возрастали альтернативные издержки ее существования. В результате внутри общины возникал институт представительства интересов — выборная крестьянская администрация, состоявшая из наиболее состоятельной и материально ответственной по отношению к государству части общинников. В соответствии с традицией общинной демократии состав выборной администрации определялся решениями

мирского схода, на котором присутствовали все общинники¹⁵. К мирскому сходу переходили основные правомочия, образующие право собственности. Должностным лицам выборной крестьянской администрации поручалась, в свою очередь, повседневная распорядительная работа. В условиях, когда отдельные общинники не обладали в полной мере правом на доход и распределение продукта, ресурс оказывался недоиспользованным. В тех же случаях когда крестьянская администрация, решая вопросы распределения, руководствовалась принципом соответствия с затраченными усилиями, возникала проблема чрезмерного использования ресурса. Действия выборной общинной администрации по распределению результатов использования ресурсов, определялись, по Э. Остроуму¹⁶, правилами коллективного действия. Функционировавшая внутри крестьянской общинной организации система распределительной демократии, с одной стороны, ограничивала свободный доступ к ресурсу внутри общины, предотвращая тем самым его чрезмерное использование, с другой стороны, защищала имевшийся ресурс от претензий со стороны другого участника контракта — государства.

Система коммунальной собственности обладала с точки зрения общины рядом сравнительных преимуществ. Практически к минимуму сводились для рядового члена общины трансакционные издержки, прежде всего спецификации и защиты прав собственности, а также ведения переговоров, заключения контракта, осуществления расчетов и измерения. Устойчивый характер коммунальной собственности определялся относительной однородностью экономических интересов всех членов общины, что фактически исключало возможные издержки оппортунистического поведения. Кроме того, сама возможность возникновения такого поведения исключалась процедурой выбора крестьянской администрации, максимально (насколько это было возможно в жестких условиях колонизации) учитывавшей индивидуальные предпочтения и интересы рядовых членов общины. Добавим, что одним из основных аргументов в целевой функции переселенца было создание условий выживания и благополучия общины как коллективной формы ведения хозяйства.

На фоне слабой спецификации прав собственности, а также традиционного для России доминирования норм неписаного пра-

ва для любого землепользователя увеличивался размер транзакционных издержек. Вместе с тем, крестьянская община за счет использования механизма коллективной ответственности получала возможность минимизировать эти издержки. В свете вышесказанного понятны причины существования в России устойчивой традиции коллективного землепользования, а также трудности в организации и функционировании фермерского хозяйства.

В заключении хотелось бы отметить значение институциональной методологии для анализа взаимоотношений между крестьянскими общинами и государством в Сибири XVII в. Если марксистский подход предполагал, прежде всего, конфликт классовых интересов, то институционализм обращает внимание на понятия транзакции и возникавших в процессе реализации прав собственности транзакционных издержек. Причиной и основным условием формирования контрактных отношений становится возможность экономии на транзакционных издержках.

Важнейшее преимущество институциональной модели — это ее междисциплинарный характер. В рамках институционализма экономическая теория является не только потребителем, но и производителем нового исторического знания.

Примечания

¹ Мак-Клоски Д.Н. Полезно ли прошлое для экономической науки? // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 107–136; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. Предисловие, гл. 2–3, 5–7; Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001. Гл. 2.

² Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 47.

³ Ostrom E. Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 42.

⁴ Commons J.R. Institutional Economics // American Economic review. 1931. Vol. 21. P. 656.

⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 113.

⁶ РГАДА (Российский государственный архив древних актов), ф. 214 (Сибирский приказ), ст. 60, л. 67; ст. 83, л. 719; ст. 32, л. 160; ст. 37, л. 317–377, 381–383; ст. 113, л. 32–35; ст. 65, л. 402–414; ст. 237, л. 15–17.

⁷ Там же.

⁸ Там же, ст. 60, л. 67; ст. 83, 719.

⁹ Шунков В.И. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1. С. 233–236; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 26.

¹⁰ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 28–29.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² РГАДА, ф. 214, ст. 360, л. 51.

¹³ Там же, ст. 1683, л. 80.

¹⁴ Шунков В.И. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. С. 233–236; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 26, 28–29.

¹⁵ Просеков И.Ю. Выборная документация и челобитные крестьянских общин Западной Сибири XVII в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 89.

¹⁶ Ostrom E. Governing the Commons. The Evolution of Institutions ... P. 42.